

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222408-418>

Исследовательская статья

Головнева Елена Валентиновна
доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
golovneva.elena@gmail.com

(АНТИ)РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ БЫТОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ГРУЗИИ В 1920-1930-е гг.

В статье рассматривается проблема визуализации бытовой религиозности в Грузии в контексте проведения Союзом воинствующих безбожников антирелигиозной кампании в 1920–1930-х гг. Отмечается, что в условиях сохранения довольно высокого уровня религиозности среди местного населения в Закавказье в целом, в Грузии – в частности, в период «культурной революции», пропагандистами были разработаны основные инструменты агитационной визуальной политики. К их числу относилось составление в ходе этнографических экспедиций в Закавказье религиозно-бытовых карт, сбор вещественных материалов, подготовка фотоколлекций по кавказским религиозным культам и их экспонирование в антирелигиозных музеях, производство и создание антирелигиозных фильмов. В качестве исследовательских примеров визуализации бытовой религиозности в Закавказье рассматриваются материалы, полученные во время антирелигиозной этнографической экспедиции в Грузии в 1931 г., а также малоизвестный отечественным исследователям немой антирелигиозный фильм «Угубзиара» Давида Рондели (1930, Госкинопром Грузии). Методические указания к этому фильму свидетельствуют о том, что антирелигиозное кино 1920–1930-х гг. активно использовалось для пропаганды естественно-научных и медицинских взглядов. Задачей визуальной атеистической работы являлось нарушение «сакральной» неприкосновенности религиозных образов – с целью их «разоблачения». Делается вывод о том, что такие источники, как религиозно-бытовые карты, экспедиционные фотографии и кинодокументы, созданные на локальном материале, представляют собой ценный визуально-антропологический материал. С одной стороны, они исторически выступали средством демонстрации абсурдности религии, с другой, – показывали реальную картину многообразия уникальных религиозных практик Закавказья в государстве «воинствующего безбожия».

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда в СССР; бытовая религиозность; визуальная агитация; антирелигиозный кинематограф; антирелигиозный музей; грузинский кинематограф; Грузия; Д. Рондели

Для цитирования: Головнева Е.В. (Анти)религиозная пропаганда и визуализация бытовой религиозности в Грузии в 1920-1930-е гг. // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 2. С. 408-418. doi.org/10.32653/CH222408-418

© Головнева Е.В., 2026

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222408-418>

Research paper

Elena V. Golovneva
Dr. Sci., Professor, Leading Researcher
Saint Petersburg State University, Russia
golovneva.elena@gmail.com

ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA AND THE VISUALIZATION OF EVERYDAY RELIGIOSITY IN GEORGIA IN THE 1920S AND 1930s

Abstract. The article examines the visualization of everyday religiosity in Georgia within the framework of the aggressive anti-religious campaigns orchestrated by the Union of Militant Atheists during the 1920s and 1930s. Given the resiliently high level of religious devotion among the local populations of Transcaucasia, and Georgia in particular, Soviet propagandists during the “Cultural Revolution” were forced to develop highly specialized tools for agitational visual policy. These strategies included the compilation of “religious-everyday maps” during regional ethnographic expeditions, the curation of photographic collections documenting Caucasian religious cults for display in anti-religious museums, and the production of targeted anti-religious cinema. As primary case studies of this visual strategy, the article analyzes field materials recovered from a 1931 anti-religious ethnographic expedition to Georgia, alongside David Rondeli’s silent film *Ugubziara* (1930, State Film Industry of Georgia) – a work largely overlooked in contemporary research. The instructional and methodological guidelines accompanying this film demonstrate that early Soviet anti-religious cinema was systematically leveraged to disseminate natural-scientific education and public health/medical views. The ultimate objective of this visual atheist campaign was to systematically dismantle and violate the perceived sanctity of local religious imagery through deliberate “exposure.” The author concludes that these state-produced sources – religious-everyday maps, expeditionary photographs, and archival film documents derived from local materials – constitute highly valuable visual anthropological data. While they were historically engineered to demonstrate the ostensible absurdity of religious belief, they ironically preserved a vivid, realistic, and highly granular record of the diverse and unique religious practices of the Transcaucasia under the pressures of “militant atheism.”

Keywords: anti-religious propaganda in the USSR; religiosity; visual agitation; anti-religious cinema; anti-religious museum; Georgian cinema; Georgia; David Rondeli

For citation: Golovneva E.V. Anti-religious propaganda and the visualization of everyday religiosity in Georgia in the 1920s and 1930s. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 404-414. doi.org/10.32653/CH222408-418

© Golovneva E.V., 2026

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2026

Введение

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР, в контексте реализации антирелигиозной кампании¹, делались первые попытки систематизации истории религии, проводились опыты полевых социологических и этнографических исследований реальной религиозности населения СССР. Образование в 1920 г. отдела агитации (агитпропотдел) ЦК РКП(б), совместно с Главполитпросветом, нацеленных на проведение антирелигиозной и естественно-научной пропаганды среди широких масс населения, привело к тому, что в различных регионах и областях страны в этот период большое место отводилось развитию визуальной агитационной работы. Она происходила в тесной привязке к политическому проекту СССР: факты из жизни религии в молодом советском государстве собирались и систематизировались на эмпирическом уровне, а на идеологическом уровне они интерпретировались в русле концепции о «реакционной сущности» и «отмирании» религии [1, с. 96]. Антирелигиозную кампанию в стране курировал Центральный совет Союза воинствующих безбожников (ЦС СВБ), который вел, среди прочего, научно-теоретическую работу по исследованию состояния религиозных групп. Примеры реализации визуальной атеистической пропаганды в 1920–1930-е гг. публиковались в антирелигиозных периодических изданиях – «Антирелигиозник» (1926–1941) и «Безбожник» (1925–1941)².

В том числе, большую активность в организации антирелигиозной работы, построенной на научных основаниях и визуализации религиозных материалов, в период «культурной революции» проявляли ленинградские исследователи. Они являлись представителями так называемой антропологической школы, для которой был характерен последовательный эволюционизм и утверждение ключевого значения анимизма в истории религии [3]. В частности, в 1928 г. один из основателей Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, руководитель Ленинградского областного совета СВБ, Н.М. Маторин организовал исследовательскую группу (секцию) по изучению бытовой религиозности. Задачей секции, как указывалось в положении о ней, являлось «изучение синкретических культов», а также подготовка «Систематического указания вероучений (религий) и антирелигиозных группировок» [4]. Необходимыми формами деятельности в этом направлении Н.М. Маторин считал работу в поле и архивах, составление сводной картотеки по религиозным верованиям народов СССР и картографирование объектов синкретического культа в различных областях страны (Северо-Запад, Центральный Черноземный округ, Кавказ, Дальний Восток и др.) [4].

Отдельные аспекты деятельности научной группы Н.М. Маторина, формирование архивных документов, соби́рание артефактов, посвященных религиозности в различных регионах СССР, как и вопросы их экспонирования в антирелигиозных музеях, уже рассматривались в работах современных исследователей – М.М. Шахнович, Т.В. Чумаковой, Е.А. Терюковой, Е.А. Михайловой и др. Опций отображения религиозной тематики в кинематографии в 1920–1930-х гг. эпизодически касались современники «культурной революции»: ученые – В.Г. Богораз, А.Н. Терской, Н.М. Маторин и антирелигиозники-пропагандисты – Л.Д. Троцкий, Е.М. Ярославский, Н.Я. Шагурин, И.Я. Элиашевич, М.Н. Кефала и др. Однако, учитывая то, что материалы маторинской группы до сих пор остаются малоизученной темой [см.: 5], как и сведения о корреляции опытов ученых и кинематографистов в области изучения религии в период антирелигиозной кампании, целью данной работы является анализ форм реализации советской антирелигиозной визуальной пропаганды в 1920–1930-х гг. на одном из направлений научно-исследовательской работы, предпринятой учеными секции под руководством Н.М. Маторина, а именно – в Грузии. Внимание к этому региону объясняется тем, что Грузия в первой трети XX в. представляла собой территорию, на которой проживало чрезвычайно смешанное в этнокультурном отношении население (грузины, греки, армяне, русские, персы, евреи и др.), присутствовал «религиозный синкретизм» (синтез древних языческих верований с христианством и исламом)

1 Официальный старт антирелигиозной кампании в СССР в 1920–1930-х гг. был дан декретом Совета народных комиссаров от 2 февраля (20 января) 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви.

2 В планах ЦС СВБ на 1932 г., публикуемых в журнале «Антирелигиозник», в частности, отмечалась необходимость развертывания деятельности по нескольким направлениям. Это – усиление научно-исследовательской работы по изучению степени религиозности отдельных слоев населения; анализ процессов отмирания религий; проведение массовых мероприятий по разоблачению классово-религиозной сущности религии [2].

и сохранялась бытовая религиозность³. Обращение к данному локальному материалу в современных реалиях продиктовано также необходимостью осмыслить историческую роль и значение религиозного фактора в культуре Кавказского региона.

Предлагается рассмотреть конкретные контексты (научно-исследовательский, кинематографический), в которых появлялись религиозно-бытовые карты⁴, фото- и киноизображения атеистической направленности, созданные на территории Закавказья (именно – в Грузии) в эпоху «социалистической реконструкции», а также методические указания по их распространению. В качестве исследовательских кейсов рассматривается практика фотофиксации религиозных групп региона, осуществленная во время антирелигиозной этнографической экспедиции в Грузии в 1931 г., и малоизвестный отечественным исследователям немой антирелигиозный фильм «Угубзиара» (1930). При анализе данной картины предлагается использовать комплексную методологию, соединяющую визуально-антропологические и историко-культурологические методы. Историко-культурологический подход позволяет реконструировать конкретные опыты тематических разработок ученых, музейных деятелей и кинематографистов в культурно-идеологическом контексте изучаемого исторического периода, визуально-антропологический – отобрать релевантные теме визуальные материалы. Изучение научно-теоретических и кинематографических опытов антирелигиозной пропаганды 1920–1930-х гг. на материале Закавказья позволяет, как представляется, объяснить, почему и как визуальные образы о религиозных культах использовались в печатной продукции, в официальных антирелигиозных музеях и кинематографе, как формировались представления об (анти)религиозности народов⁵ различных регионов СССР у советского населения в период «культурной революции».

Антирелигиозные экспедиции на Кавказ в 1920–1930-е гг.

В начале 1930-х гг. под руководством Н.М. Маторина учащиеся антирелигиозного отделения Ленинградского историко-лингвистического университета, совместно с сотрудниками Института по изучению народов СССР, Госакадемии материальной культуры работали несколькими отрядами (средства были отпущены ЦС СВБ и Академией наук СССР), изучая состояние религиозности в ряде районов СССР, в том числе – Грузии (В.В. Бардавелидзе-Ломиа и С.И. Макалатия) [8], где сохранялись в это время элементы бытовой религиозности (космогонические воззрения, почитаемые места, знахарство и др.).⁶ Антирелигиозная экспедиция целенаправленно проводила исследование производственных культов, осуществляла сбор тематических коллекций для Центрального антирелигиозного музея (ЦАМ), а также систематизировала материалы для религиозно-бытовой карты. В ходе экспедиции были обследованы районы горной Тушетии, Хевсурии, Пшавии, Мегрелии, Верхней и Южной Сванетии, Лечхум и Рачи [8].

Этнограф В.В. Бардавелидзе-Ломиа (1899–1970) [10] свою работу в районах Верхней и Нижней Сванетии проводила совместно с комплексной экспедицией музея Грузии. Экспедиция собрала исключительно богатый материал по местным культам: были выявлены культы Ламарии (божества плодородия, покровительницы женщин), природа охотничьих божеств, культ камня, детально изучены обряды, относящиеся к засухе. Было установлено резкое деление в Сванетии праздников на женские и мужские, изучен новогодний праздник у сванов и его вариации у лечхумцев и рачинцев. Было собрано также большое количество экспонатов для ЦАМа, а полученный материал был подготовлен к опубликованию.

3 Понятие «бытовой религиозности» используется в данном случае в значении особой разновидности верований и практик, разделяемой некоторой группой людей и существующей на неофициальном уровне [6]. Такой тип религиозности определяет проблемы, с которыми сталкиваются члены религиозной общности, и предлагает решения, могущие, при соблюдении целого ряда условий, решить эту проблему [7].

4 Составлением религиозно-бытовых карт занималась Комиссия по составлению религиозно-бытовой карты, созданная Н.М. Маториным в 1929 г.

5 Формулировка «(анти)религиозность» в данном случае, на наш взгляд, позволяет подчеркнуть дихотомию, определяющую характер предмета исследования и исходящую из реалий сохранения религиозности в повседневной жизни большинством населения страны при внешнем (официальном) провозглашении антирелигиозного курса.

6 Сценарист В.Б. Шкловский писал в 1930 г., что грузины – это приблизительные христиане. Этим они не увлекаются. Церковь внутри имеет площадь всего несколько метров и вверх метра два-три. В нее может войти только священник, а прихожане собираются вокруг. [9, с. 19]

Важное место в данной экспедиционной работе имела также подготовка религиозно-бытовой карты Сванетии В.В. Бардавелидзе-Ломиа. Для составления карты исследователями было зарегистрировано 604 культовых пункта и 302 культурных очага, ведущих борьбу с суевериями и религиозностью сванов. «Качественный анализ собранного материала, – как отмечала в своем отчете В.В. Ломиа, – выявил, что религиозность в широкой массе обследованных районов еще очень сильна, особенно в Сванетии. Правда, христианство, можно сказать без преувеличения, потеряло всякое значение у этих народов, но зато сильнее выявились в определенных группах населения элементы язычества... Например, материал показал совершенно нетерпимое положение в Латальском обществе Верхней Сванетии, где культовых мест – 92, а культурных очагов всего – 4» [8]. Карта по Сванетии, составленная В.В. Бардавелидзе-Ломиа, экспонировалась в Музее Грузии в Тифлисе [4, с. 107].

Примечательно, что данные, полученные В.В. Бардавелидзе о состоянии бытовой религиозности в кавказском регионе, в целом, согласуются с материалами экспедиции 1927 г., работавшей в Грузии (Хевсуретия), под руководством этнографа-востоковеда В.А. Гурко-Кряжина. В газете «Безбожник» сообщалось: «Хевсуры поклоняются священным рощам, верят в духов, куда входят и христианские божества (Христос, Петр, Павел, Георгий, Мария и др.), наряду с этим у них есть древне-персидские крылатые духи» [11]. О сохранении религиозных традиций – древних верований, обрядов, суеверий, – особенно в горных районах Кавказа, сообщал и известный этнограф Е.М. Шиллинг, проводивший в 1930-е гг. экспедиционную работу в кавказском регионе и собравший значительный вещевой и визуальный материал, связанный с народной обрядовой практикой и мусульманским религиозным культом [12].

Экспедиционная фотография и кинопропаганда

Основными формами презентации этнографических полевых материалов, по мнению Н.М. Маторина, должны были стать печатные работы и экспозиции музеев [13, с. 164]. Но фактически сразу, в рамках проведения антирелигиозной экспедиционной работы, как на Кавказе, так и во многих других регионах, эффективным инструментом иллюстрации состояния религиозности в СССР стала фотофиксация религиозных культов. Антирелигиозник Ю. Коган отмечал в 1931 г: «Фото – основной экспонат отделов безбожного движения. Необходимо, чтобы при помощи фото музеи показали во всем объеме грандиозную работу безбожников на фронте социалистического строительства...» [14, с. 72]. В периодических изданиях агитационной направленности («Безбожник» и «Антирелигиозник») сделанные в экспедиционных условиях фотоснимки использовались и как средство наглядного изучения религиозных верований, и как средство дискредитации религии, широко развернувшейся в этот период, в том числе, в рамках музейно-выставочной деятельности⁷.

Визуальные материалы с этнографическими и религиозными сюжетами в том числе послужили основой для формирования нового типа институции в 1920–1930-х гг. – антирелигиозного музея, сочетающего в себе просветительские и научно-исследовательские функции⁸. Прежде всего, интересна в этом плане деятельность Музея истории религии АН СССР в Ленинграде, изначально являвшегося подразделением Академии наук, в котором развитие религии изучалось на научных основаниях, системно и комплексно, с привлечением большого количества этнографического и религиозного визуального материала.

Так, Антирелигиозная выставка 1930 г., устроенная МИР АН СССР под руководством известного этнографа-североведа В.Г. Богораза [15], содержала около 500 фотографий, репрезентативно показывающих как мировые религии, так и этнографические сюжеты и разнообразие экзотических верований [16]. В ходе экспедиционных работ были сформированы фотоархивы: фотоколлекция «Атеизм» – о работе СВБ, которая охватывала разнообразные религиозные группы, и фотоколлекция

⁷ К примеру, большой резонанс в рамках антирелигиозной кампании получила практика фотосъемки и публикация фотографий вскрытия мощей в различных городах СССР. Сейчас в ГМИР хранится фотоколлекция «Религия», которая содержит около 100 снимков, документирующих вскрытие мощей.

⁸ Наиболее крупными музеями в 1930-е гг. были Центральный антирелигиозный музей в Москве и Музей истории религии АН СССР в Ленинграде [15].

«Происхождение религий»⁹, включавшая в себя 61 фотографию, в том числе, фотоснимки по религиозным культам Грузии [16]. И хотя комплектование фотоколлекций в МИР АН СССР происходило в силу стечения обстоятельств, за счет личных связей его первых директоров – В.Г. Богораза и Ю.П. Францева, тем не менее, фотографические снимки, рисунки, диапозитивы, изображавшие большое разнообразие культов и верований в СССР, выступали иллюстративным материалом для организации антирелигиозных выставок и позволяли в дальнейшем анализировать материал для подготовки научных публикаций. Визуальный «калейдоскоп» религиозных различий, собранный в ходе экспедиционной работы, с одной стороны, рассматривался как инструмент демонстрации абсурдности религии, с другой, – показывал обывателю реальную картину многообразия форм верований в государстве «воинствующего безбожия»¹⁰.

В начале 1930-х гг. была высказана, среди прочего, и идея «кинофикации» антирелигиозного музея, с перспективой показа этнографических (с целью просвещения) и антирелигиозных фильмов (в качестве массовой работы с посетителями) на площадке МИР АН СССР [17]. При разработке киноорганизациями тематических планов по созданию просветительских агитационных фильмов, звучал призыв выбирать для съемки те темы, которые позволяют решить актуальные вопросы культурной революции и тот материал, который поддается в той или иной степени экранизации [18]. О необходимости создания эффективной антирелигиозной фильма, построенной на локальном этнографическом материале и имеющей политическую заостренность, говорили в это время, как кинематографисты, так и пропагандисты [19, с. 11].

Между тем, фото- и кинофиксация религиозных культов на территории Закавказья в 1920–1930-х гг. осуществлялась довольно активно, как научными сотрудниками профильных организаций, так и профессиональными кинематографистами, искавшими в эти годы «экзотическую натуру» для постановки и пытавшимися создать на экране «нашу собственную восточную экзотику, нашу собственную «ориентальную» фильму» [20, с. 162]. Например, в 1927 г. сценарист С.М. Третьяков в ходе работы над сценарием совершил экспедицию в Верхнюю Сванетию, а известный режиссер М.К. Калатозов в это же время работал там же над хроникальными съемками края. Итогом их сотворчества стал документальный фильм «Соль Сванетии» (1930) [21]. Проблема борьбы народа горной Пшавии за приобщение к новому быту и борьбе со жрецами и старейшинами нашла отражение и в фильме С. Долидзе «В стране обвалов» (1931), в первых кадрах которого, под портретом исполнителя одной из ролей шел титр: «Убит за участие в киноэкспедиции» [22, с. 51].

Отметим, что грузинская национальная кинематография в этот период считалась одной из самых продуктивных среди кинофабрик Союза, а мастера кино формировали в молодом искусстве свой особый творческий метод, основанный на идеях авангардного искусства. Так, в 1925 г. по инициативе сотрудничавших между собой С. Долидзе и С. Третьякова на студии «Грузия-фильм» возник сектор кинохроники, в рамках которого снимались короткометражные фильмы о быте и нравах горских племен – пшавов, хевсуров, тушинцев [22]. Из кавказских студий (Госкинопром Грузии, «Арменкино» и Азербайджанское фотокиноуправление), грузинский кинематограф лидировал по количеству картин (с 1923 по 1927 год вышли 33 полнометражных фильма), на студии работали «звезды» русского дореволюционного экрана (Иван Перестиани, Амо Бек-Назаров), а картины Госкинопрома Грузии являлись одними из самых прибыльных в прокате [20, с. 163]. Примечательно, что именно на национальном «грузинском» материале планировалось создать мультипликационный фильм, где заграничному Микки Маусу противопоставлялся молодой грузин, родом из Мегрелии, – Чичико или Чикол [23, с. 3].

В этом контексте, не случайно, что в составленном агитатором М.Н. Кефала в 1932 г. для журнала «Антирелигиозник» списке антирелигиозных фильмов самая многочисленная часть кинокартин была посвящена именно религиозным культам Кавказа и Центральной Азии. Упоминались такие антирелигиозные фильмы, как: «Айна», «Гость из Мекки», «Гюлли», «Дочь святого», «Джалма», «Земля жаждет», «Закон гор», «Именем бога», «Из-под сводов мечети», «Комета», «Намус», «Под властью адата», «Третья жена муллы», «Угубзиара», «Чадра», «Именем бога (шахсей-вахсей)» [24].

9 В настоящее время хранится в фотофонде ГМИР.

10 В фотоколлекции «Происхождение религии» из фонда ГМИР, в частности, присутствуют фотоснимки 1935 года, относящиеся к теме «Хевсуры-Кавказ» («Хевсурская экспедиция ЦАМ»).

Фильм «Угубзиара» (1930) Давида Рондели

Давид Рондели

Непосредственно с визуальной репрезентацией феномена бытовой религиозности в Закавказье в списке, составленном М. Кефалой в 1932 г., оказался связан немой художественный фильм «Угубзиара» (Госкинопром Грузии, 1930) режиссера Давида Рондели¹¹. Это социальная драма, созданная по сценарию Г. Мдивани и Д. Рондели и рассказывающая о борьбе сельской общественности со знахарством, стала первой заявкой молодого режиссера в кинематографии, созданной на национальном материале (рис. 1).

Характерно, что немая картина «Угубзиара» («Скачки», «К здоровью») не получила должного внимания со стороны исследователей, занимавшихся изучением раннего грузинского кино. Однако именно этот фильм оказался включенным в антирелигиозный дискурс, развернувшийся на страницах периодической печати в начале 1930-х гг., и содержал в себе основные его особенности. Фильм «Угубзиара» представляет исследовательский интерес еще и потому, что, в соответствии с характерными для периода «культурной революции» левовскими принципами в кинематографе, придающими особое значение фактическому материалу, эта картина основывалась

на непосредственном знании бытовой культуры Кавказа и включала в себя этнографические сюжеты¹².

Так, в фильме демонстрировались национальные обычаи абхазов – скачки, обряд поминовения по умершему (сцены с многочисленными родственниками, плакальщицами, чучела, изображающего покойника, жертвенным быком в траурной попоне), врачевание народными методами и т.п. Кроме того, съемка фильма проводилась при непосредственном научном консультировании. Д. Рондели говорил о своей работе над фильмом: «Приехал в Абхазию, меня очень тепло приняли Н. Лакоба и С. Чанба¹³. Они были поклонниками тогда еще молодого киноискусства. Моей творческой работе они оказывали огромную помощь» [26].

По сюжету действие картины происходит в одной из глухих деревушек Абхазии в 1920-х гг.¹⁴, где сохраняются суеверия и религиозные предрассудки, а главным персонажем фильма в духе времени является «кулак-знахарь».

В фильме рассказывается о том, как бедняк Кондратий, случайно ранив на охоте своего сына-комсомольца, обращается к местному знахарю Джото. Результатом знахарских манипуляций является смерть сына. В ответ на это комсомольская организация проводит через сельсовет постановление о запрещении Джото заниматься знахарством и о необходимости постройки больницы. Для пополнения денежного фонда, с целью открытия больницы, в селе организовываются общественные скачки с призами. Первый приз в триста рублей выигрывает комсомолец-активист, жертвующий выигрыш в строительный фонд, который заставляет Джото, выигравшего второй приз в двести рублей, сделать то же самое. Джото, несмотря на постановление сельсовета, продолжает заниматься знахарством и одновременно ведет среди крестьян агитацию против организованной в бывшем княжеском доме больницы. Между тем, в семье комсомольца, умершего от раны, выполняют древний языческий обряд «поминок по умершему». В день поминок сын знахаря Джото падает с лошади и опасно ранит себя кинжалом в живот. Джото везет его в больницу, где врач спасает юношу. Выходящего из больницы Джото встречают смехом собравшиеся там крестьяне.

Картина «Угубзиара» содержала смелые кинематографические решения. Так, в центре фильма Д. Рондели оказывается интересно снятый эпизод конного состязания, в котором комсомольцы села

11 Давид Рондели (Цагарейшвили) – советский режиссер и сценарист, с 1923 г. являлся корреспондентом газет в Кутаиси и Тбилиси, в 1926-1928 гг. – был главным редактором журнала «Пролетарская литература», с 1928 г. – возглавлял сценарный отдел Госкинопрома Грузии. В 1924 г. с группой активистов (Н. Шенгелая, Г. Мдивани) работал в журнале «Динамит», пропагандировавшем идеи революции.

12 Съемочные группы, снимающие этнографические фильмы, появились в Абхазии в 1925 г.

13 Н. Лакоба и С. Чанба являлись членами Ученого совета Абхазского научного сообщества. АбНО поддерживал научные связи с 175 научными учреждениями СССР [25].

14 Абхазия в этот период на договорных началах входила в состав Грузинской ССР и Закавказскую советскую федерацию РСФСР.

соревнуются со знахарем Джото и его сыном. Крупные и общие планы скачек, лица болельщиков, drobные движения ног лошадей, отдельные детали реакции из толпы болельщиков, в которой собрались и друзья, и враги Джото, динамичный монтаж – придавали данному эпизоду большое эмоциональное звучание. В картине монтировались сюжеты старых обычаев с законами новой жизни, давалась постепенная психологическая разработка характера центрального персонажа фильма – знахаря Джото [22, с. 50–51].

Фильм встретил неоднозначную реакцию со стороны критиков. Основное замечание к картине заключалось в недостаточно сильном выявлении автором классовых позиций и их верного изображения на экране. В журнале «Рабочий и театр» отмечалось, что картина имеет невысокий художественный уровень, но все же верно передает некоторые смыслы: «знахарь показан, как хитрый и сильный враг, умело пользующийся темнотой населения и ловко играющий на ней», «показана дифференциация абхазской деревни и ведется борьба со старыми и новыми традициями» [27]. В методическом пособии по использованию этой картины в целях антирелигиозной пропаганды говорилось, что для фильма характерна пассивность сельсовета в борьбе со знахарством, примиренческий конец фильма [28], но в то же время отмечалось богатство материала, который дает фильм для санитарной и политико-просветительской работы.

Характерно, что в период «культурной революции» комментаторы и критики антирелигиозных фильмов уделяли внимание даже не самим картинам, а соответствующей политработе и «культурному окружению» в их показе. Как отмечал антирелигиозник Н. Шагурин: «Работа антирелигиозной передвижки – это работа *политическая*, работник передвижки несет двойную ответственность перед лицом трудящихся – и как агитатор, и как киноработник» [29, с. 17]. В связи с этим, предлагалось развернуть интенсивную коммуникацию со зрителем антирелигиозного кино – вести беседу как до просмотра фильма, так и после него [30, с. 51]. В своей брошюре к серии киноплёночных диапозитивов активист Н.Г. Шатилов прямо призывал вырабатывать у кинозрителя представление о религиозных группах как мощной контрреволюционной силе [31, с. 14].

Методические указания к фильму «Угубзиара» наглядно показывают, что антирелигиозное кино 1920–1930-х гг. активно использовалось для пропаганды естественно-научных и медицинских взглядов¹⁵, для организации работы в повышении образовательного уровня деревенского зрителя. В этом отношении антирелигиозный фильм, по мнению пропагандистов, сам должен был представлять собой своеобразного «доктора», избавляющего советское общество от болезни. Для демонстрации фильма «Угубзиара» предлагали провести следующие мероприятия: связаться с врачом и договориться о выступлении его в театре, клубе или избе-читальне; собрать местный материал по знахарству, о состоянии здравоохранения [28, с. 19–20].

Пропагандист М.Н. Кефала, выступавшая на страницах журнала «Антирелигиозник» с кино-докладами и, как правило, критиковавшая авторов фильмов за неумение/нежелание показывать классовую сущность религии, также отмечала: «Фильма «Угубзиара» (скачки), ставящая несомненно актуальную в антирелигиозном отношении тему, имеет, однако, ряд существенных недостатков. Одним из основных является нечеткость показа классовой роли знахарства в условиях социалистической перестройки коллективизирующейся деревни [32, с. 39]. М. Кефала предлагала методические указания для докладчиков, сопровождающих показ фильма «Угубзиара», которые включали в себя использование таких тем докладов, как: «Религия и знахарство», «Происхождение знахарства и его классовая роль», «Знахарство, болезни, старый и новый быт». Во время доклада иллюстративный материал фильма планировалось давать в компаративном ключе – как для освещения сходных явлений в других религиях, так и для сравнения социальной роли христианского священника (муллы, раввина, ламы) и знахаря. М. Кефала специально подчеркивала: «Необходимо указать, что между действиями попа, махающего кадиллом, «заклинающего вредителей», «лечащего» от любой болезни молебнами о здравии

¹⁵ Об отношении к врачам и врачеванию в горных районах Грузии в начале 1930-х гг. писал В.Б. Шкловский: «Хирурги лечат хорошо. Их приглашают в качестве ассистентов советские врачи... они имеют представление о таких сравнительно сложных вещах, как расположение двигательных центров на коре головного мозга. Так, когда после ранения больной теряет речь, то врач вскрывает не только место ранения, но и место, которое, очевидно, заражено, судя по характеру заболеваний. Врачу платят дорого. Техника врачевания состоит в том, что ране не дают преждевременно зажить, ее растравляют травами, чтобы заживление шло со дна раны» [9, с. 29].

и «елеосвящением», знахарем и шаманом, «прогоняющим» грозовую тучу или болезнь ударами в бубен, – нет, по существу, никакой разницы» [32, с. 38–39].

Контекст использования фильма «Угубзиара» как «киноагитки» наглядно демонстрирует, что роль агитатора-антирелигиозника (по сравнению с научным консультантом фильма и кинематографистами) в интерпретации антирелигиозных кинокартин оказывалась ведущей в 1920–1930-е гг. По замечанию К.М. Антонова, антирелигиозник, как ученый, выстраивал дискурс и соответствующий этому дискурсу объект, как эксперт – выстраивал отношения власти с объектом дискурса, как «пропагандист» – обращался к широкой аудитории, у которой нет иной возможности получить о «религии» сведения, претендующие на достоверность [33, с. 74–75].

Заключение

Итак, одной из ключевых задач развертывания антирелигиозной пропаганды в СССР в 1920–1930-е гг. был поиск возможных форм визуализации религий (нарушения «сакральной» неприкосновенности религиозных образов – с целью их «разоблачения») – с помощью религиозного картографирования (в религиозно-научных исследованиях), создания фотоколлекций с этнографическими и религиозными сюжетами в ходе экспедиционной научно-исследовательской деятельности, организации музейно-выставочной работы в антирелигиозных музеях и кинематографической репрезентации (в заданном идеологическом ключе) различных конфессий СССР. Каждая из этих визуальных практик отвечала за свой участок «безбожной работы» и производила соответствующие ему совокупности высказываний.

Практика проведения научных исследований в Закавказье в начале 1930-х гг., осуществленная силами академических учреждений (включая экспедицию 1931 г. в Грузию), обозначила довольно высокий уровень сохранения бытовой религиозности среди населения и соответственно сложности распространения антирелигиозных пропагандистских идей в регионе. Инструментами визуальной политики в Грузии в рамках антирелигиозной кампании в этот период стали: составление исследователями религиозно-бытовой карты (В.В. Бардавелидзе-Ломиа), подготовка для ЦАМ фотоколлекции по религиозным культам, экспонирование собранных вещественных и визуальных материалов в антирелигиозных музеях, производство и создание антирелигиозных фильмов. В совокупности эти источники представляют собой ценный визуально-антропологический материал, выявляющий многообразие уникальных религиозных практик в Грузии в раннесоветский период.

Одним из ярких примеров кинопропаганды против бытовой религиозности (знахарства) является немой художественный фильм Д. Рондели «Угубзиара» (1931, Госкинопром Грузии). Обращение к этому фильму в настоящее время позволяет обозначить общие черты развития феномена (анти)религиозного фильма 1920–1930-х гг. в рамках атеистической пропаганды в целом. К ним можно отнести: присутствие на экране, помимо разоблачительного контекста, верной этнографической информации, которая демонстрирует реальную картину сохранения вариативных форм бытовой религиозности в государстве «воинствующего безбожия» и коррелирует с результатами научных экспедиционных исследований, предпринятых этнографами и религиоведами в 1920–1930-х гг. в различные регионы СССР; необходимость развития методики демонстрации антирелигиозных картин и дополнительных средств работы со зрителем (выставка, доклад, диспут, лекция); подчеркивание в оценке антирелигиозной картины не художественного, а преимущественно агитационного потенциала; включение антирелигиозных кинематографических сюжетов в развитие медицинского и естественно-научного знания.

Финансирование. Исследование осуществлялось при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта No 25-28-00277 «Визуальный атлас конфессий»: (анти) религиозная пропаганда в СССР в 1920–1930-е гг.» (2025–2026).

Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of Project No. 25-28-00277, titled “Visual Atlas of Confessions”: (Anti-) Religious Propaganda in the USSR in the 1920s–1930s (2025–2026).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Смирнов М.Ю. Религиоведение в России: проблема самоидентификации // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2009. №1. С. 90–106.
2. План работы Центрального совета СВБ на 1932 год // Антирелигиозник. 1932. №2. С. 58–63.
3. Невский А.А. Работа группы по изучению истории культов государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) // Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 169–171.
4. Невский А.А. Секция по изучению религиозных верований народов СССР при Музее истории религии Академии Наук // Советская этнография. 1934. №3. С. 106–107.
5. Головнева Е.В. Научные поиски в советской кинематографии 1920–1930-х гг. (метод параллельной засъемки Анатолия Терского) // Наука телевидения. 2022. Т. 18. №4. С. 151–170. DOI: 10.30628/1994-9529-2022-18.4-151-170
6. McGuire M.B. *Lived religion: faith and practice in everyday life*. Oxford: Oxford University Press, 2007. – 290 p.
7. Orsi R. *Everyday Miracles: The Study of Lived Religion // Lived Religion in America: Toward a History of Practice* / ed. by D. Hall. Princeton: Princeton University Press, 1997. Pp. 3–21.
8. Дунаевский Л. Антирелигиозные экспедиции НИО ЦС СВБ в 1931 г. // Антирелигиозник. 1932. №11–12. С. 30–39.
9. Шкловский В.Б. Горная Грузия. Пшавия. Хевсуретия. Мухевия. М., 1930.
10. Рухадзе Д.А. Вера Варденовна Бардавелидзе // Этнографическое обозрение. 2000. №6. С. 118–122.
11. Салим. Забытый народ (О хевсурах и их жрецах) // Безбожник. 1929. №8 (апрель). С. 16–17.
12. Тeryukova E.A., Alferova N.V., Runge K. E.M. Шиллинг как исследователь религиозных верований народов Кавказа: по материалам документальных и вещевых коллекций из собрания государственного музея истории религии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 3. С. 528–540. DOI: 10.21638/spbu17.2019.312
13. Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Идеология и наука: изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб: Наука, 2016. – 365 с.
14. Коган Ю. Практические задачи музейно-антирелигиозной работы // Антирелигиозник. 1931. № 6. С. 66–72.
15. Тан-Богораз В.Г. От собора к Музею истории религий // Антирелигиозник. 1936. №1. С. 14–15.
16. Михайлова Е.А. Выставочный проект Музея антропологии и этнографии «Антирелигиозная выставка в Государственном Эрмитаже» и его создатель В.Г. Богораз // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 90–95.
17. Шахнович М.И. История религии и атеизма // Советский музей. 1939. № 3. С. 36–40.
18. Тематический план Совкино // Кино. 1929. № 40 (316). С. 6.
19. Ярославский Е.М. Искусство на службе у религии и искусство безбожное // Антирелигиозник. 1929. № 2. С. 7–13.
20. Юсупова Г. Кассовые феномены кинематографа 1920-х гг. и легенда о «новом зрителе» // Киноведческие записки. 2013. 102/103. С. 151–167.
21. Головнев И.А. Визуализация этничности в советском кино: «Соль Сванетии» Михаила Калатозова // Уральский исторический вестник. 2020. № 3 (68). С. 35–44. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-35-44
22. Церетели К. Юность экрана. Очерки истории грузинского немого кино. Тбилиси, 1965. – 150 с.
23. Муджира Л. Создадим национальную мультипликацию // Кино. 1934. №46 (октябрь). С. 4.
24. Кефала М. Список антирелигиозных фильмов // Антирелигиозник. 1932. №1. С. 45–46.
1. Smirnov M.Yu. Religious studies in Russia: the problem of self-identification. *Moscow State University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2009; 1: 90-106. (In Russ)
2. Work plan of the Central Council of the SVB for 1932. *Antireligioznik*. 1932; 2: 58-63. (In Russ)
3. Nevsky AA. Work of the group for the study of the history of cults of the State Academy for the History of Material Culture (GAIMK). *Soviet Ethnography*. 1931; 1-2: 169-171. (In Russ)
4. Nevsky AA. Section for the study of religious beliefs of the peoples of the USSR at the Museum of the History of Religion of the Academy of Sciences. *Soviet Ethnography*. 1934; 3: 106-107. (In Russ)
5. Golovneva EV. Scientific research in Soviet cinematography of the 1920s–1930s (Anatoly Tersky's parallel filming method). *The Science of Television*. 2022; 18(4): 151–170. DOI: 10.30628/1994-9529-2022-18.4-151-170. (In Russ)
6. McGuire M.B. *Lived religion: faith and practice in everyday life*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
7. Orsi R. *Everyday miracles: the study of lived religion. Lived Religion in America: Toward a History of Practice*, D. Hall (ed.). Princeton: Princeton University Press, 1997, pp. 3–21.
8. Dunaevsky L. Antireligious expeditions of the NIO TsS SVB in 1931. *Antireligioznik*. 1932; 11-12: 30-39. (In Russ)
9. Shklovsky VB. *Mountainous Georgia. Pshavia. Khevsuretia. Mtkhevia*. Moscow, 1930. (In Russ)
10. Rukhadze DA. Vera Vardenovna Bardavelidze. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2000; (6): 118-122. (In Russ)
11. Salim. A forgotten people (On the Khevsur people and their priests). *Bezbozhnik*. 1929; 8: 16-17. (In Russ)
12. Teryukova EA., Alferova NV., Runge K. E.M. Shilling as a researcher of religious beliefs of the peoples of the Caucasus: based on documentary and material collections from the State Museum of the History of Religion. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2019; 35(3): 528-540. DOI: 10.21638/spbu17.2019.312. (In Russ)
13. Shakhnovich MM., Chumakova T.V. *Ideology and science: the study of religion in the era of the cultural revolution in the USSR*. St. Petersburg: Nauka, 2016. (In Russ)
14. Kogan Yu. Practical tasks of museum antireligious work. *Antireligioznik*. 1931; 6: 66-72. (In Russ)
15. Tan-Bogoraz V.G. From the cathedral to the Museum of the History of Religions. *Antireligioznik*. 1936; 1: 14-15. (In Russ)
16. Mikhailova EA. The exhibition project of the Museum of Anthropology and Ethnography “Antireligious exhibition at the State Hermitage” and its creator V.G. Bogoraz. *Radlov Collection: Scientific Research and Museum Projects of the MAE RAS in 2010*. St. Petersburg: MAE RAS, 2011:90-95. (In Russ)
17. Shakhnovich MI. History of religion and atheism. *Soviet Museum*. 1939; 3: 36-40. (In Russ)
18. Thematic plan of Sovkino. *Kino*. 1929; 316(40): 6. (In Russ)
19. Yaroslavsky EM. Art in the service of religion and godless art. *Antireligioznik*. 1929; (2): 7-13. (In Russ)
20. Yusupova G. Box-office phenomena of 1920s cinema and the legend of the “new spectator”. *Kinovedcheskie Zapiski*. 2013; 102/103: 151-167. (In Russ)
21. Golovnev IA. Visualization of ethnicity in Soviet cinema: “Salt for Svanetia” by Mikhail Kalatozov. *Ural Historical Journal*. 2020; 68(3): 35-44. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-35-44. (In Russ)
22. Tsereteli K. *Youth of the screen. Essays on the history of Georgian silent cinema*. Tbilisi, 1965. (In Russ)
23. Mudzhira L. Let's create a national animation. *Kino*. 1934; 46: 4. (In Russ)
24. Kefala M. List of antireligious films. *Antireligioznik*. 1932; 1: 45-46. (In Russ)

25. Ермоленко Л.П., Зозуля И.В., Колесникова М.Е. Абхазское научное сообщество в 1920-е гг.: история создания и деятельности // Диалог со временем. 2022. № 79. С. 74–87.

26. Адзхинджал А. Первые шаги кино в Абхазии // Советская Абхазия. 1969. 26 августа. С. 3.

27. Угубзиара // Рабочий и театр. 1931. № 19. С. 3.

28. Нестеренко. Угубзиара: Кино-либретто и методические указания к беседе. М.: Союзкино, 1931. 23 с.

29. Шагури Н. Безбожное кино в деревне. М.: Театино-печат, 1930.

30. Шестакова М. Массовые формы антирелигиозной работы летом // Антирелигиозник. 1931. №3. С. 48–52.

31. Шатилов Н.Г. Кто такие братья во Христе. М.: Союзкино, 1931.

32. Антонов К.М. От дореволюционной науки о религии к советскому религиоведению: трансформация системы научно-исследовательских программ и формирование «советской» формации дискурса о религии // Вестник ПСТГУ. Богословие. Философия. 2013. Вып. 6 (50). С. 67–97.

25. Ermolenko LP., Zozulya IV., Kolesnikova ME. Abkhazian scientific community in the 1920s: history of creation and activities. *Dialogue with Time*. 2022; 79: 74-87. (In Russ)

26. Adzhindzhal A. The first steps of cinema in Abkhazia. *Sovetskaya Abkhazia*. August 26, 1969, p. 3. (In Russ)

27. Ugubziara. *Rabochiy i Teatr*. 1931; No. 19: 3. (In Russ)

28. Nesterenko. *Ugubziara: film libretto and methodological guidelines for discussion*. Moscow: Soyuzkino, 1931. (In Russ)

29. Shagurin N. *Godless cinema in the village*. Moscow: Teatinopechat, 1930. (In Russ)

30. Shestakova M. Mass forms of antireligious work in summer. *Antireligioznik*. 1931; 3: 48-52. (In Russ)

31. Shatilov N.G. *Who are the brothers in Christ*. Moscow: Soyuzkino, 1931. (In Russ)

32. Antonov KM. From pre-revolutionary science of religion to Soviet religious studies: transformation of the system of research programs and formation of the “Soviet” formation of discourse on religion. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Subsidia*. 2013; 50(6): 67-97. (In Russ)

Поступила в редакцию 06.06.2025

Принята в печать 02.12.2025

Опубликована 30.06.2026

Received 06.06.2025

Accepted 02.12.2025

Published 30.06.2026